

2022-1
2151 a

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
Российской Академии наук

Всегда оставался верен себе

*Сборник памяти
доктора исторических наук
Станислава Васильевича Тютюкина*

Москва
2021

Содержание

К читателю (Петров Ю.А.).....	6
Воспоминания	
Пушкарева И.М. «С самыми дружескими чувствами...»: Воспоминания длиной в жизнь	13
Шелохаев В.В. Друг и соавтор	28
Булдаков В.П. Быть историком... (Вспоминая С.В. Тютюкина)	35
Иоффе Г.З. Самостояние человека. Памяти Станислава Васильевича Тютюкина ...	43
Исхаков С.М. С.В. Тютюкин и академический Совет по революционной России ...	46
Королева Н.Г. Историк и гражданин	56
Христофоров И.А. С.В. Тютюкин и журнал «Отечественная история»	61
Мамонов А.В. Вторая профессия	68
Бакулин В.И. Что сохранила память	76
Рейли Д. Мои встречи со Станиславом Тютюкиным — ученым и человеком	78
Чернобаев А.А. Выдающийся историк-пехановед: С.В. Тютюкин в моей жизни и памяти.	80
Ерыгина В.И. Человек, зажигающий искры (Воспоминания об Учителе С.В. Тютюкине)	88
Удальцов И.С. Станислав Васильевич Тютюкин. Несколько штрихов к портрету	95
Статьи	
Гросул В.Я. Российская политическая эмиграция в годы правления Николая I	103
Мельникова Л.В. «La belle France?»: трансформация образа Франции в представлениях русского дворянства во время военной кампании 1814 года	133
Черникова Н.В. Консервативная идеология и практика государственного строительства в царствование Александра III. К постановке проблемы.....	146
Зверев В.В. К. Маркс и марксизм в оценках В.П. Воронцова	156
Ульянова Г.Н. Финансирование университетов в Российской империи в 1860—1914 годах	171
Кострикова Е.Г. Славянский вопрос в публицистике М.О. Меньшикова	192
Соловьев К.А. Первая революция: интеллектуальное и институциональное измерение	206
Иванов А.Е. Академический курс Д.Ф. Трепова: Указ о «временной университетской автономии» 27 августа 1905 г.	214
Савельев П.Ю. Страницы истории российской социал-демократии в интерпретации Станислава Васильевича Тютюкина	225
Волбуев О.В. Депутаты-перводумцы — узники Таганской тюрьмы (по запискам В.П. Обнинского и С.Д. Урусова)	234
Хайлова Н.Б. Либералы-центристы и меньшевики (историографический этюд)	245
Морозов К.Н. Проблема лидерства в партии социалистов-революционеров в 1917 году	263
Иоффе Г.З. Генерал Корнилов. Плен и побег	279
Перегудова З.И. Хронология расстрела семьи Николая II: 1917—1918 гг.	284
Морозова А.Ю. Голодовки членов Союза социал-демократической рабочей молодежи в феврале — апреле 1922 г.	297
Вандалковская М.Г. Российская эмиграция в канун Второй мировой войны: Суждения и оценки.	308
Библиография	323
Сведения об авторах	352

К. Маркс и марксизм в оценках В.П. Воронцова

В.П. Воронцов (1847–1918) давно и хорошо известен отечественным исследователям как один из авторитетных народнических экономистов, труды которого внесли значительный вклад в изучение пореформенного развития народного хозяйства России¹. Однако события его биографии, как и аспекты общественно-политических и социально-экономических взглядов, до настоящего времени не получили полновесного и разностороннего освещения.

Объектом рассмотрения данной статьи является отношение Воронцова к К. Марксу и марксизму в конце XIX — начале XX в. Интерес к названной теме определяется актуальностью обращения к произошедшей на рубеже позапрошлого и прошлого веков полемике о будущем развитии России. Появление, а затем и широкое распространение марксизма среди образованной части российского общества не могли оставить Воронцова безучастным к обсуждению научного содержания и социальной направленности марксистской теории. Тем более, что к середине 1890-х гг. эти аспекты оказались не просто предметом научного осмысления, а широкой и ожесточенной дискуссии между народниками и марксистами, в ходе которой на первый план стали выходить вопросы применимости учения Маркса к своеобразию российской действительности, подтвердившихся и неоправдавшихся прогнозах, аутентичности восприятия марксистских положений его последователями в России.

В начале мы считаем правомерным остановиться на общей оценке Воронцовым марксизма, составляющих его элементов, значимости совершенных открытий, достоинств и недостатков доктрины. Сразу же следует отметить, что Маркс был для российского экономиста замечательным мыслителем, основоположником научного направления, значение которого в научном мире явля-

¹ Из вышедших за последнюю четверть века работ, посвященных В.П. Воронцову, укажем те, в которых, на наш взгляд, получили достаточно широкое освещение его мировоззрение и жизнедеятельность: *Рачков М.П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993; *Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *Зверев В.В.* Н.Ф. Даниельсон, В.П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; *Его же.* Экономист Василий Павлович (1847–1918): новые факты к биографии ученого // Проблемы отечественной истории нового и новейшего времени: сборник научных статей в честь профессора Валерия Васильевича Журавлева. М., 2018; *Жвания Д.Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, П.А. Соколовский). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999; *Мокшин Г.Н.* Василий Павлович Воронцов // Вопросы истории. 2003. № 9; *Гловели Г.Д.* Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным моделям. СПб., 2008.

лось весьма существенным и важным². В целом взгляды Воронцова не выбивались из общего русла настроений русской публицистики, и в этом отношении преимущественно сциентистский подход только подчеркивал акцентированно объективистский взгляд на роль марксизма в развитии процесса познания законов общества и природы.

Не сильно разнилось от общих настроений и утверждение Воронцова о том, что марксизм состоит из гипотезы экономического материализма и социологической полу-догадки³. В соответствии с этим определением и образ Маркса представлялся единым в двух лицах — ученого-экономиста и дилетанта-социолога⁴. Как ученый-экономист Маркс последовательно придерживался трудовой теории стоимости (к числу сторонников которой относил себя и Воронцов), развил ее и добился блестящих успехов на этом пути⁵.

Достаточно было только указать на открытие прибавочной стоимости, которое дало возможность «...иначе осветить всю совокупность экономических отношений...». А своими исследованиями о происхождении капиталистического строя на Западе Маркс «...показал образец научной комбинации... дедуктивного и индуктивного методов, показал, каким образом должна в этих случаях применяться теория, дабы она служила для объяснения, а не конструирования действительности»⁶.

Таким образом, вклад Маркса в обосновании значимости экономики (экономических отношений) в жизни общества был, по мнению Воронцова, огромен. Марксизм многое разъяснял, примирял абстрактную точку зрения с конкретикой исследований и стимулировал детальное изучение экономики в каждой стране⁷.

Итак, Воронцов считал экономическую теорию Маркса вполне законченной научной гипотезой, которая родилась в результате систематического и последовательного изучения реальных тенденций в жизни западноевропейского общества. Но наряду с этим, марксизму, как и любому учению, были свойственны некоторые недостатки. Воронцов указывал на метафизичность и всеобщность законов социального развития, свойственные гегелевской философии и перешедшие по наследству марксистской доктрине. Такой унифицирующий подход стирал особенности, присущие каждой стране, лишал ее «самостоятельной схемы эволюции», нивелировал отличия, создавал иллюзию однолинейности исторического процесса. Если говорить об экономической теории Маркса, то его умозаключения, по мнению Воронцова, страдали известной категоричностью, «общей всем систематическим умам склонностью к схематизму»⁸.

² В.В. Очерки теоретической экономики. СПб., 1895. С. 1; В.В. Очерки современных направлений. Экономический материализм на русской почве (Н. Бельтов. «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю») // Новое слово. 1895. № 2. С. 102.

³ В.В. Очерки современных направлений. С. 101.

⁴ В.В. Очерки теоретической экономики. С. 95.

⁵ Там же. С. 90, 95.

⁶ В.В. Очерки современных направлений. С. 102.

⁷ В.В. Очерки теоретической экономики. С. 215, 218.

⁸ Там же. С. 214.

Не находил Воронцов в марксизме и обоснования крайне важного, на его взгляд, субъективного элемента развития общества. По его мнению, экономический фактор не мог заменить сознательной и целенаправленной деятельности человека. Общественная эволюция зависит от практики людей, которые «...тащат историю в разные стороны...», и конечный результат представляет собой сумму различных величин, далекую от представлений отдельного лица. Но энергия сознательных борцов неминуемо «отразится на равнодействующей»⁹, может даже прервать неблагоприятную для общества тенденцию эволюции.

В оценке философских основ марксизма и необходимости их дополнения субъективным фактором Воронцов соглашался с основными положениями социологической теории Н.К. Михайловского. Это признавалось и самим ведущим публицистом «Русского богатства», который заявил, что в целом он разделяет «мнения г. В.В. на этот счет»¹⁰.

Но в своей критике теории Маркса Воронцов не ограничился исключительно методологическими проблемами, а остановился также на ошибках в прогнозах эволюции экономики.

Так, марксистский тезис о том, что «капитал должен постепенно сосредотачиваться все в меньшем и меньшем числе рук...», пока не приведет к концентрации национального достояния в руках у небольшой кучки людей, «эксплуатирующих целый народ», оправдался не полностью. Хотя подобная тенденция продолжала существовать, но наряду с этим обнаружилось и другое направление. Все большее количество крупных предприятий использовали «при помощи акционерных компаний... (выпуском акций и облигаций...)»¹¹ сбережения рядовых граждан. Это свидетельствовало, по мнению Воронцова, об усилении паевого принципа финансирования производства и распределения прибыли.

Наряду с этим глубокая убежденность Маркса в будущем господстве крупных предприятий также не подтвердилась. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве по-прежнему сохранялись мелкие производители, успешно противостоящие конкуренции мощных объединений. Для аграрного сектора экономики это означало, по мнению Воронцова, что его превращение в коллективное производство «...будет закончено не капиталистическим путем»¹².

Как казалось народническому экономисту, обнаруженное противоречие в теоретических построениях Маркса свидетельствовало, что основоположнику учения, как и любому человеку, было свойственно ошибаться, и он был далеко не беспристрастен в своих прогнозах. Например, предсказание господства крупного машинного капиталистического производства с последующей победой пролетариата привели к тому, что «политическая экономия вышла из рук Маркса настолько же социалистической, насколько она оказалась буржуазной в творениях Рикардо». Как дилетант-социолог, Маркс руководствовался «...в

⁹ В.В. Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. М., 1994. С. 70, 75.

¹⁰ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 683.

¹¹ В.В. Наши направления. С. 71.

¹² Там же.

своих построениях не столько же требованиями своего мыслящего “я”, сколько задачей обоснования идеи пролетариата»¹³.

Мало того, что это нарушало принцип научной объективности, но и приводило к просчетам как социального, так и политического плана. Глубокая убежденность Маркса в грядущей преобразующей роли пролетариата базировалась на выявленной им тенденции ухудшения положения этого класса в капиталистическом обществе. Доведенный до нищенского положения промышленный рабочий должен был свергнуть эксплуататорский строй, осуществить переход к социализму и тем самым стать естественным наследником буржуазии¹⁴ в деле прогрессивного развития человечества.

Однако, как показала социальная практика, к концу XIX в. эта идея не получила подтверждения. Абсолютное обнищание населения действительно существовало как результат усиленной эксплуатации, но только «на первых ступенях развития капитализма». Рост рабочего сопротивления, создание профессиональных и политических организаций, проведение забастовок, четкое и недвусмысленное выражение интересов людей труда заставляли капиталистов «умерять свою эксплуатацию и делиться с рабочими частью своих барышей». Менялась сама структура капиталистического общества. Наемные рабочие уже были инкорпорированы в систему социальных связей, а не противостояли ей. Как подчеркивал Воронцов, изменение статуса пролетариата привело к тому, что борьба происходила «на почве существующего строя» при ослаблении и превращении революционной силы рабочего класса в силу эволюционную. Анализ требований участников стачек в Англии позволял ему утверждать, что эти формы сопротивления в основном использовались как фактор морального давления на предпринимателей. Улучшения своего положения рабочие могли добиться «путем мирных переговоров с хозяевами». Обоюдное недоверие, нетерпимость, а часто и ненависть, должны были уйти в прошлое. Трудовые конфликты вполне могли регулироваться через учреждение «особых камер из представителей фабрикантов и рабочих». Это, как считал Воронцов, служило бы взаимной выгоде обеих сторон. Более того, компромиссное решение многих трудных вопросов давало возможность снять проблему противостояния, классовой борьбы и направить социальную энергию на достижение общих целей, превратить «отношения между капиталистами и рабочими... в договорные отношения союзников, устанавливающих участие каждой стороны в предприятии на основании тщательной оценки всех обстоятельств данного дела...»¹⁵.

Надо сказать, что многое в замечаниях Воронцова о несоответствии классических марксистских идей реальному состоянию капиталистического производства было вполне обоснованно. К концу XIX в. капитализм свободной конкуренции продемонстрировал свою устойчивость и эластичность. Противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения прибыли не достигли, как предполагали Маркс и Энгельс, своего апогея. Циклические кризисы перепроизводства не

¹³ В.В. Очерки теоретической экономики. С. 213.

¹⁴ Там же. С. 256.

¹⁵ В.В. Наши направления. С. 72.

приблизили момент революционного взрыва. Параллельно с концентрацией производства и капитала достаточно широкое распространение получила и акционерная форма собственности. Жизненный уровень наемных рабочих не падал, а постепенно повышался. В этих условиях некоторые из прогнозов марксизма звучали, по крайней мере, неубедительно. Воронцов был одним из первых русских экономистов, обративших на это внимание. В своих работах он высказал идеи, которые были созвучны взглядам Э. Бернштейна и других представителей германской социал-демократии.

Кстати, определенное подтверждение несостоятельности марксистских прогнозов Воронцов находил и в политических процессах, происходивших среди немецких сторонников Маркса. Как он писал в 1895 г., «...гипотеза экономического материализма наибольшим успехом обязана партийным соображениям и расчетам...». Но как показали события на последнем съезде немецкой социал-демократии в Бреслау, «...составляющий ее силу блестящий идейный ореол начинает тускнеть и меркнуть». Изменения в программе предполагают охватить предметной деятельностью не только городских рабочих, но и «сельский трудящийся люд». Все это свидетельствовало, по мнению Воронцова, что современные представители социал-демократии «...не способны сделать такие изменения в теории, которые поставили бы ее в соответствие с изменившимися условиями жизни, что из философов они превращаются в догматиков...». Главная причина этого коренилась в том, что «со смертью Энгельса школа утратила последнего своего философа...»¹⁶.

Воронцов утверждал, что немецкая социал-демократия, получив на первых выборах в рейхстаг почти 2 млн голосов, объединила в своих рядах не сторонников социалистической идеи, а рабочих, стремящихся в условиях капиталистического общества отстаивать свои права. Они считали, что их благополучие может быть достигнуто, «...если они сомкнутся и ...станут проводить в парламент депутатов, стоящих за их интересы против интересов других классов общества...»¹⁷.

Этот факт свидетельствовал, по мнению Воронцова, что прежняя революционная направленность утопического социализма была модифицирована, изменена новым научным его содержанием. Утверждение о том, что социализм может быть установлен сразу по желанию какой-либо силы, было заменено точкой зрения о «естественной эволюции общества», согласно которой социализм завершает весь процесс развития «от первобытного коммунисти-

¹⁶ В.В. Очерки современных направлений. С. 123. Наряду со смертью Энгельса марксизм оказался подвержен характерной для разных научных теорий «болезни», когда их основные положения воспринимаются по-сектантски, где главным становится не дух, а буква учения. Отстаивая свое понимание «...отдельные представители секты... начинают отходить друг от друга». Как писал Воронцов, беда Маркса состояла в том, что он не создал научной экономической школы. У него много поклонников, но нет учеников. «...Они не вышли из положения школяров, старающихся усвоить науку своего учителя, умеющих толково передать его мысли другим, но не возвысившихся до того, чтобы занять место его товарищей по работе, его научных преемников, продолжающих разработку вопросов, не законченных учителем. У Маркса есть последователи-поклонники, но нет исследователей-сотрудников» (В.В. Очерки современных направлений. С. 101, 102, 102–103).

¹⁷ В.В. Очерки теоретической экономии. СПб., 1895. С. 249.

ческого строя через промежуточный индивидуалистический с его последней капиталистической стадией к развитому коллективистическому строю, осуществляющему идею братства людей на основе всех тех завоеваний цивилизации...». В соответствии с этим учением, «задача переживаемого момента заключается в этом подготовке пролетариата, в его организации, подъеме его умственного состояния и т.п.; преждевременные же попытки осуществить будущий строй принесут только вред, а не пользу делу освобождения пролетариата»¹⁸.

Такая постановка вопроса, как считал Воронцов, примирила «теоретическую революционность социалистической идеи с практической обязательностью для каждого быть верноподданным существующего государства...»¹⁹. Но одновременно с этим научный социализм «...упразднил и саму социалистическую партию». Создав социал-демократическую организацию, «он объединил и сильно двинул вперед демократическое (выделено Воронцовым — В.З.) движение ...и обратил в простое знамя для этого движения некогда революционную идею социализма»²⁰.

В связи с этим «в теории замечается примирение социализма с капиталистическим строем западного общества...». Но объединение трудящегося населения, отстаивающего собственные интересы, «может быть принято за социальную основу для следующего шага в историческом развитии»²¹. Хотя, по большому счету в теоретической своей основе социал-демократическая идея и бездоказательна, т.к. еще никто не доказал, что за капитализмом неминуемо последует социализм и что «настоящее время есть как бы переходная ступень от первой ко второй»²².

В этих словах Воронцова легко угадывается звучавшее в оценках методологических недостатков марксизма неприятие универсализации эволюции человечества. Развитие промышленной цивилизации, свойственное Западной Европы, может, и выглядело доказывающим возможность аналогичного варианта для других стран и народов. Но подобные выводы делались на достаточно узкой источниковой базе, отнюдь не свидетельствовавшей об уникальности «магистрального» пути общества.

Не убеждали Воронцова и идеи об ориентированности социализма Маркса главным образом на фабрично-заводских рабочих. Он еще мог предполагать, что отведение этому слою населения роли «исполнителя предначертаний истории» выглядит вполне закономерным результатом эволюции Запада. Однако наряду с капиталистической эволюцией «идет эволюция некапиталистическая, создающая самостоятельный класс крестьянства, который тоже может претендовать на активную и, пожалуй, преобладающую роль в истории». Но научный социализм рассматривает его как «источник капиталистического потока», а стремление отделиться от него однозначно квалифицируется как «стремление реакционное». Крестьянин «наделяется всевозможными пороками, делая»

¹⁸ Там же. С. 251.

¹⁹ Там же. С. 252.

²⁰ Там же. С. 253.

²¹ Там же. С. 255.

²² Там же. С. 261.

шими его неспособным быть носителем прогресса»²³. Распространение таких идей в России, как считал Воронцов, было бы «совершенно неестественным» и несло «идею порабощения народа игу капитализма»²⁴.

Критика марксизма, основанная на сопоставлении основных положений теории с действительностью, подталкивала Воронцова к выводу о необходимости внесения корректив в марксистские прогнозы будущего. В теоретическом плане он оспаривал правомерность долговременного прогнозирования, рассчитанного на несколько десятков лет. Жизнь общества, по его мнению, зависела от влияния многих факторов, учесть которые было чрезвычайно трудно. Поэтому ему представлялось возможным лишь «констатировать существование в данное время известных тенденций ...в течение определенного, может быть, очень непродолжительного времени, так как самый процесс эволюции порождает новые условия, дающие начало новым тенденциям, определить характер которых заранее решительно невозможно»²⁵.

Частное подтверждение этой мысли Воронцов находил в марксистском тезисе о переходе все большей части промышленных предприятий в руки узкой группы предпринимателей. По его собственному убеждению, следовало ожидать, что в будущем «некоторые отрасли в интересах общественной пользы станут постепенно переходить под управление правительства или общественных организаций...», как это уже произошло с почтой, телеграфом, некоторыми железными дорогами. В других отраслях «разовьется кооперативное производство». Часть промышленных предприятий еще долго будет оставаться в частной собственности, но наметившийся процесс акционирования, в конце концов, превратит владельца в управляющего от имени пайщиков²⁶. Тем самым Воронцов предвидел вполне реальный (и воплотившийся затем на практике) процесс огосударствления, государственного регулирования, кооперации и акционирования в промышленности, влиявший на характер собственности при капитализме.

Для него факт ошибочности в прогнозах марксизма свидетельствовал о слабости аргументации в пользу повсеместного использования идей Маркса. Это относилось как к научной доктрине, так и идеологической составляющей. Как писал Воронцов, марксистское учение появилось в Западной Европе, и было построено на анализе машинной стадии развития промышленного производства. Но уже эти экономические параметры ограничивали возможность его применения в странах с преобладающим земледельческим населением. Особенно там, где еще окончательно не решен вопрос о характере землевладения, где крестьянство не превратилось в наемных рабочих и стремится «соединиться опять с землей... в надежде трудиться на ней как самостоятельный собственник, самостоятельный индивидуальный производитель». В таких странах капиталистический способ производства окончательно еще не разрушил возможность «развития в будущем высоких социально-бытовых форм» на основе «способности к солидарной деятельности»²⁷.

²³ Там же. С. 255.

²⁴ Там же. С. 256, 259.

²⁵ Там же. С. 73.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 9, 61, 69.

Безусловный крах универсализма марксистских идей в экономической и социальных областях, необходимость серьезных корректив их прогностических возможностей лишали, по мнению Воронцова, доктрину силы и мощи идеологического влияния. Научный социализм возник на основе веры в то, что капитализм «неизбежно уступит место строю коллективистическому», и что фабрично-заводские рабочие «есть тот элемент, которому предстоит водворить новые порядки»²⁸. Но стабильность экономического развития, снятие напряженности в общественно-политических отношениях заставляли усомниться как в правомерности утверждений о преобразующей роли пролетариата, так и в вероятности использования идеологических конструкций в странах с преобладающим крестьянским населением.

Положение наемных рабочих в процессе промышленного производства изначально было не самостоятельным и сводилось к одному из элементов «мертвого процесса производства», роли «живого инвентаря», бессловесно выполняющего автоматические операции. Уже в силу этого пролетариат, как считал Воронцов, не мог иметь «зжидительной идеи» обновления мира. В лучшем случае он способен был явиться силой разрушительной. Но и в этом качестве фабрично-заводские рабочие становились лишь слепыми исполнителями чужой воли. Продолжительный рабочий день, отсутствие досуга для повышения своего культурного уровня воспитывали у пролетария психологию «промышленного солдата, которого искусные демагоги могут обратить в солдата политического», пассивно следующего за вожаками²⁹.

Конечно же, в своем отношении к промышленным рабочим Воронцов был явно субъективен и пристрастен. Негативная оценка «стадного чувства», отрицание цивилизующего влияния технических знаний, роста образовательного уровня, политической культуры страдают явными передержками, желанием доказать «идиотизм городской жизни» капиталистического общества. При этом Воронцов забывал о высказанных идеях улучшения благосостояния, участия рабочего класса в разрешении социальных конфликтов. Но вместе с тем нам представляется, что само предупреждение о возможности манипулирования массовым сознанием, возможности использования доверчивости и веры людей в корыстных целях узкой группой лиц, присваивающих себе право говорить от имени класса или целого народа, было далеко не беспочвенным. К сожалению, XX век дал в этом отношении массу примеров.

Воронцов не ставил своей задачей предугадать вероятное развитие событий. Тезис о подчиненной и зависимой роли пролетариата был необходим для противопоставления его негативных качеств инициативе, деловой хватке, разуму и самостоятельности сельского жителя. Общинное владение землей, взаимопомощь, коллективное решение многих вопросов способствовали, по мнению народнического экономиста, образованию у крестьян «психического типа с задатками высоких альтруистических черт», который наиболее подходил «для развития способности к солидарной деятельности»³⁰.

²⁸ В.В. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм // Неделя. 1894. № 49. С. 1592.

²⁹ В.В. Наши направления. С. 67, 68.

³⁰ Там же. С. 69.

Уже в силу этого использование в странах с преобладающим крестьянским населением марксизма представлялось Воронцову «совершенно неестественным». В России, например, «пролетарий тонет в массе крестьянства». И если следовать марксистской модели общественного устройства, то необходимо бы требовать «обездоления большей части населения страны». При таком подходе сам марксизм превращался «в доктрину..., оскорбляющую наши идеальные порывы предложением мириться с массой страданий, ожидающих русский народ в течение неизбежного будто бы процесса выварки его в фабричном котле, игнорирующую реальные интересы реальных масс трудящегося люда, конструирующую, а не выясняющую прогрессивную эволюцию нашей страны, ломающую, а не развивающую жизненные процессы»³¹.

Воронцов выступал против односторонности марксизма, которая коренилась, на его взгляд, в излишней универсализации исторического процесса, навязывании однотипности общественной эволюции, недооценке своеобразия каждой страны. В научном отношении эти недостатки, как и допущенные просчеты в прогнозировании дальнейших изменений характера собственности при капитализме, разрешении социальных конфликтов между рабочими и предпринимателями, могли быть отнесены к вполне естественной и объяснимой тенденциозности, желанию выделить и обосновать влияние экономического фактора на все стороны общественного бытия. И в этом отношении Воронцов несколько не отрицал правомерность, необходимость и желательность «обогащения русской науки марксизмом». Но это обогащение не должно было идти по пути создания особой идеологической системы, а стать «руководящей нитью и методом при исследовании сложных явлений исторической жизни». Воронцов придерживался в общем традиционной точки зрения об использовании марксизма исключительно в качестве научной гипотезы³² и допускал с определенными оговорками возможность и допустимость использования гипотетических положений марксистской доктрины в научном анализе происшедших социально-экономических процессов. Что же касается взаимоотношения собственного мировоззрения и перспектив развития капитализма в стране, то в этом вопросе Воронцов, отвергая возможность капиталистической эволюции России, несущей неисчислимые страдания трудовому народу, не мог равнодушно относиться к перспективе объективистского взвешивания преимуществ и недостатков вероятных последствий развития товарно-денежных отношений. Возложенная им на себя миссия защитника интересов народа заставляла противопоставлять личное понимание задач отечественной интеллигенции «неумолимому молоху марксистской предопределенности». Приверженность субъективному методу в социологии заставляла не только четко обозначить свои теоретические подходы, но и определить параметры социалистичности марксизма, применимость его идей на русской почве. В этом вопросе Воронцов однозначно отвергал вероятность применения марксизма в России.

Крайне негативно отнесся он и к появлению марксистских работ по проблемам России. Они грешили, на его взгляд, незнанием особенностей эконо-

³¹ В.В. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм. С. 1592.

³² Воронцов В.П. От семидесятых годов к девятисотым. СПб., 1907. С. 165.

мического развития страны. Желание русских последователей Маркса начать анализ не с конкретного состояния хозяйства, а с применения «формулы экономической эволюции», апробированной на Западе, только продемонстрировали их «рабскую подчиненность своим учителем». Но никакого обогащения науки «изучением русской действительности» марксистами не произошло. Разнообразные материалы, собранные в течение 20 лет отечественными статистиками, остались невостребованными или использовались выборочно «путем нанизывания однородных фактов»³³.

Как писал Воронцов, шаблонные представления русских марксистов об однотипности мировой эволюции сказались на ошибочности тезиса о громадном росте промышленного пролетариата в стране. В действительности фабрично-заводские рабочие еще окончательно не обособились от деревенской жизни, сохраняли «надежду когда-нибудь сесть на землю или как-нибудь иначе воспользоваться выгодами земледелия...». Россия оставалась преимущественно земледельческой страной, где пролетариат играл «ничтожную роль ... в социальном развитии...»³⁴.

Игнорирование действительного социально-экономического положения, идеологическая убежденность в том, что «мелкий сельский хозяин подлежит исчезновению, и не должен быть поддерживаем...», меняли характер деятельности социал-демократии в России, превращали ее из сторонников социалистического выбора в защитника интересов буржуазии. Как считал Воронцов, Маркс «всю свою жизнь посвятил теоретической и практической борьбе с капитализмом». Он надеялся, что рано или поздно появится «возможность параллельного развития некапиталистической социализации промышленности». Русские же марксисты объявили войну направлениям общественной мысли, враждебным капиталистическому способу производства. Отстаивая неизбежность фазы капитализма в общественном прогрессе, они благоприветствовали его закреплению на русской почве³⁵.

Пожалуй, именно это положение становилось центральным в неприятии Воронцовым работ русских последователей Маркса. В отличие от основоположника доктрины он даже именовал их неомарксистами и не обращал принципиального внимания на различия во взглядах легальных и нелегальных представителей. Важнее было другое — объективность исследований. И в этом плане его отношение к М.И. Туган-Барановскому было гораздо более лояльным по срав-

³³ Там же. С. 115, 123, 124.

³⁴ Там же. С. 122, 121. Весьма характерно в этом отношении выступление Воронцова в феврале 1898 г. на докладе М.И. Туган-Барановского в Вольно-экономическом обществе. По сообщению газеты «Новое время», он подразделил доклад на две части: статистическую и экономическую. В отношении первой части Воронцов считал, что автор допустил ряд ошибок. Так, им было увеличено общее число рабочих в 1893 г. на 1 млн. Но даже после этого все равно оказывалось, что только 8% мужского населения привлекается на заводы и фабрики. К тому же в большинстве своем это были крестьяне, не порывавшие связи с землей. По второму вопросу Воронцов доказывал, что «...Россия, если и “капиталистическая страна”, то совсем не такая, как “другие цивилизованные страны мира...”». Не принимал Воронцов и критерий прогрессивности капитализма: «...вряд ли только будет уместно обращение трудящегося в нищего приветствовать как прогрессивный шаг в развитии страны, как делает относительно этого докладчик» (Новое время. 1898. 26 февраля (10 марта). №7902. С. 3).

³⁵ Воронцов В.П. От семидесятых годов к девятисотым... С. 117, 119.

нению, скажем, с отношением к П.Б. Струве. Последний стал для Воронцова одним из символов интерпретации молодыми адептами Маркса основных положений его учения. Струве был обозначен как представитель группы лиц, которые, хотя и сохраняли марксистскую терминологию в своих работах, но полностью игнорировали сущность марксизма. Так, Струве абсолютизировал объективный фактор и «общипал» теорию. Мало того, что он отрицательно относился к Марксу как экономисту и превозносил только его социологическую систему, но в основном заимствовал многие идеи у Листа, Мальтуса, Рошера. Да и сам капитализм в его изображении — «кроткая овечка», которая «...не рвет свирепо добычу из рук мелкого производителя, а вежливо берет то, от чего добровольно отказывается последний»³⁶.

Следует отметить, что во многих критических оценках Струве Воронцов оказался прав. Для подтверждения этого достаточно обратиться хотя бы к собственным признаниям Струве. Уже в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России» он писал, что «...нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией ...не заражен»³⁷. И с этой самооценкой следует согласиться. Взгляды Струве начала 90-х гг. XIX в. представляли собой смесь разнохарактерных и разнонаправленных теоретических конструкций, уже не говоря об их идеологической составляющей. Если обратиться еще раз к признаниям Струве, то окажется, что в 1894 г. он «... был в философии критическим позитивистом, в социологии и политической экономии решительным, хотя вовсе не правомерным, марксистом»³⁸.

Воронцов обнаруживал во взглядах Струве в первую очередь решительный отказ от народнических идей. В то же время его собственно марксистское формирование было весьма условным. Как он писал уже в начале XX в., «...всегда относился сдержанно и критически к трудовой теории стоимости», и уже в ершистой и по-юношески задиристой книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» содержались элементы будущего пересмотра марксизма, правда, еще «...в очень несовершенной и рудиментарной...» форме³⁹. В совокупности теоретическая эклектика, решительность в борьбе с народничеством, желание критически переосмыслить некоторые положения Маркса и дать собственное понимание эволюции России привели к тому, что для «Критических заметок» в целом была присуща внутренняя неуверенность, скрывавшаяся за наступательным тоном книги. Спустя почти десятилетие Струве и сам вынужден был это признать в «Проблемах идеализма»⁴⁰.

Не менее точен был Воронцов и в характеристике второй группы «неомарксистов». В нее он включал тех авторов, которые уже и не придерживались марксистской терминологии. В этой группе Воронцов выделял А.И. Скворцова, который, по его мнению, всеми силами защищал строй товарно-денежных отношений и абсолютно безосновательно доказывал, что «переход от натурального

³⁶ В.В. Очерки теоретической экономии. С. 280, 282, 281, 284, 283.

³⁷ Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. IX.

³⁸ Струве П.Б. Предисловие // На разные темы. СПб., 1902. С. I.

³⁹ Струве П.Б. Против ортодоксальной нетерпимости // На разные темы. С. 302, 300.

⁴⁰ Струве П.Б. Проблемы идеализма. СПб., 1902. С. 89.

хозяйства к меновому сопровождается такими изменениями продукции, которые должны бы иметь следствием подъем, а не упадок народного благосостояния». Скворцов, как считал Воронцов, полностью игнорировал особенности экономики страны, а все обвинения в причинах голода в 1891 г. возложил на общинные порядки землепользования, которые якобы делали «невозможным возвышение сельскохозяйственной культуры»⁴¹.

Критикуя Скворцова, Воронцов обращался к его магистерской диссертации «Влияние парового транспорта на развитие сельского хозяйства», защищенной в 1891 г., и вышедшей в 1894 г. книге «Экономические причины голодовок в России и меры к их устранению». В них автор признавал значение и важность открытой трудовой теории стоимости, к числу сторонников которой относил и себя. Но одновременно с этим все надежды на изменение положения в сельском хозяйстве страны связывал исключительно с капиталистическим развитием страны. Ни о каких социалистических настроениях Скворцова говорить не приходилось, как, впрочем, и об устойчивых марксистских взглядах.

В несколько ином ключе была построена критика Воронцовым Г.В. Плеханова (Бельтова). Так, он считал, что этот последователь Маркса не сумел снять с учения «устаревший костюм, сшитый еще в 40-х гг.», и в таком обветшалом виде представил экономический материализм перед русским читателем. Наряду с недостатком «раннезаветного» прочтения марксизма стало пользование марксизмом как «историческо-философским *passé partout* (отмычка — В.З.), если не открывающим двери познания, зато звонко шелкающим в замке, к ним привешенным»⁴².

Первая из обозначенных ошибок воплощалась в том, что Бельтов поклонялся божеству Гегеля⁴³. Тем самым в отличие от своих учителей он «...задумал восстановить... ту гегелиаду, которую названные мыслители предоставили ведению «грызущей критике мышей»...»⁴⁴. Как гегельянец Бельтов видит «...двигательный нерв истории в чем-то, не имеющем ничего общего с человеком, в географической среде»⁴⁵.

Скажем прямо — обвинение Плеханова в идеализме было явно надуманным. Несмотря на его более чем прозрачный намек на знакомство с произведениями Маркса и Энгельса, Воронцов не понимал значения гегелевской диалектики в становлении марксизма, как и игнорировал значение природного фактора в хозяйственной деятельности человека. В этих вопросах он был явно пристрастен и необъективен.

Гораздо более убедительным выглядит упрек Воронцова Плеханову в его неспособности «...признать закон экономической эволюции Западной Европы, рационально обоснованный в «Капитале»», как закон частный. Напротив, Плеханов, по его словам, стремился обратить его в закон общий, применимый также и к России⁴⁶.

Это, естественно, сказалось на том, что Плеханов не решил обратиться к

⁴¹ В.В. Очерки теоретической экономии. С. 292, 315.

⁴² В.В. Очерки современных направлений. С.106, 107.

⁴³ Там же. С. 108, 109.

⁴⁴ Там же. С. 111.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ Там же. С. 113.

конкретным фактам развития, а «...пожелал разрешить вопрос а priori, умозрительно». В то время, как Маркс счел нужным обратиться к экономической истории России, имеющей, по его мнению, важное значение «...в смысле выяснения общих законов», его последователь наносит своему учителю «бесчестье» наложением «общего шаблона» теории на особенности развития России, забывая, что «...сущность нового учения заключается в методе и руководящей нити для исследования...»⁴⁷.

В этом вопросе Воронцов действительно подмечал отсутствие интереса Плеханова к изучению конкретных процессов и событий в экономике страны. «Первый русский марксист» отдавал предпочтение философским и социальным проблемам. Самостоятельные и оригинальные исследования, посвященные эволюции русского капитализма, у него отсутствовали. А о рыночной экономике страны Плеханов судил, исходя из общетеоретических марксистских подходов, и опирался преимущественно на те из экономических работ, которые доказывали общемировые тенденции и его собственные представления⁴⁸.

Однако подмеченные особенности интерпретации Плехановым марксизма не давали Воронцову права утверждать, что его оппонент «...обнаружил и идеологическое, и социологическое уклонение от идеи своего учителя...», и у него преобладал не экономический, а политический фактор. В социологическом же плане Плеханов якобы уклонился от «научного анализа жизни» России. В целом, утверждал Воронцов, Плеханов противопоставил объективизму подхода «чистейшую субъективистику и идеалистику»⁴⁹.

Следуя логике рассуждений Воронцова, получалось, что «недоучившийся материалист» в спорах с представителями народничества («прогрессивного направления общественной жизни страны») прибегал к извращениям и переделкам. Так, наиболее характерным способом его полемики стало то, что он «...для разнесения г. Михайловского обращается к экономике, а для поражения г. Н — она — к политике»⁵⁰.

Подводя итоги, Воронцов однозначно утверждал, что вся система взглядов Плеханова деформирована и подчинена идеологии. И этой «цельности идеологического построения он принес в жертву практические интересы того са-

⁴⁷ Там же. С. 115, 127.

⁴⁸ Порой это приводило к полуанекдотическим ситуациям. В первом издании работы «Наши разногласия», полемизируя с народниками, Плеханов активно использовал статистические данные, приводимые Даниельсоном, для подтверждения развития капитализма в стране. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» казались лидеру группы «Освобождение труда» фундаментальным трудом, заслуживающим самого пристального внимания (*Плеханов Г.В.* Соч. в 24-х т. М.; Л., 1925—1927. Т. 2. С. 230, 234, 265). Однако тон оценки Плехановым мировоззрения Даниельсона кардинально изменился после публикации в 1893 г. второй части «Очерков», вошедших в одноименную книгу. Теперь ее автор в плехановской интерпретации превратился в утописта и реакционера, страдавшего «анемией “субъективного вывода”», а его мирозерцание — в «плод незаконного сожительства теории Маркса с г. В.В.». Даниельсон своими утверждениями об особенностях экономического развития России якобы не оставлял «места для политической самостоятельности рабочего класса» и тем самым наносил «большой ущерб... революционному движению» (*Плеханов Г.В.* Соч. в 24-х т. М.; Л., 1925—1927. Т. 7. С. 317, 318; Т. 9. С. 31).

⁴⁹ *В.В.* Очерки современных направлений. С. 128, 131, 132.

⁵⁰ Там же. С. 45, 54, 49.

мого производителя, имя которого он так часто произносит всуе». Приветствуя развитие капитализма («Долой принципы и да здравствует хотя бы позорная действительность!»), он фактически превращается в апологета капитализма⁵¹.

Полемически заостренная и, признаем, далеко не всегда справедливая критика Воронцовым Плеханова стирала те явные различия, которые существовали между легальными и нелегальными марксистами 90-х гг. XIX вв. Но, похоже, Воронцов сознательно стремился к этому. По крайней мере такой вывод прямо следует из его утверждения, что наиболее видные русские марксисты — Г.В. Плеханов и П.Б. Струве — в своих работах не только отошли от идей экономического материализма, но и стали играть «роль идеологов российского капитализма»⁵².

Откровенно негативная оценка Воронцовым русского марксизма при всех передержках в обобщениях (сведение «к общему знаменателю» Плеханова и Струве) отражала его собственное понимание характера деятельности интеллигенции. Как он считал, в России конца XIX в. было невозможно осуществление «социализма пролетариатом». Единственно приемлемым лозунгом могли стать слова «Все трудящиеся России, соединяйтесь», произнесенные еще поколением семидесятников. «Но тощей идеологии неомарксизма было не по силам это ярко-красное знамя...». Отказавшись от поддержки крестьянского хозяйства, осмеивая русскую коллективную форму владения землей, представляя мракобесами людей, выступающих за целесообразность использования кооперации, русский марксизм не сумел разработать и дать «обоснование практической программе, отвечающей социальным условиям ...страны». Отечественные марксисты даже не захотели прислушиваться к голосам западноевропейских социал-демократов (Франция, Бельгия, Италия), в партийных программах которых «фигурируют развитие общей земельной собственности и кооперативная организация земледельцев». А такой видный представитель марксизма, как Э. Вандервельде, прямо признавал, что «распространение кооперации среди крестьян ...само по себе есть шаг к социализму мелкого производителя, имеющий, в конце концов, привести крестьян к единению с городскими представителями коллективизма»⁵³.

Выступая против «неомарксизма» и «неомарксистов» в России, Воронцов отстаивал право интеллигенции на конкретную практическую деятельность, носящую преимущественно просветительский характер. Неслучайно его безапелляционный вывод о том, что русский марксизм «неверен теоретически и вреден в практическом отношении», был напрямую связан с утверждением, что его распространение отнимает «социальный *raison d'être* у большей части русской интеллигенции, парализует ее просветительскую энергию, ограничивает активную работу общества над невежеством населения и разными неу-

⁵¹ Там же. С. 66.

⁵² Воронцов В.П. От семидесятых годов к девятисотым. С. 161, 158.

⁵³ Там же. С. 114, 126. Воронцов, выступая в Вольном экономическом обществе в феврале 1899 г., отметил, что «новейшее течение марксизма на Западе направляется уже в сторону земледельческого класса...», в то время как ранее сосредотачивался исключительно на промышленных рабочих. И в этом отношении «они стоят ближе к русскому народничеству, чем к русским марксистам» (Новое время. 1899. № 8255. 19 февраля 1899. С. 3).

стройствами русской жизни...»⁵⁴. А раз это так, то и говорить о какой-то прогрессивной роли русских марксистов в России не имело смысла.

Подводя итог рассмотрения оценок Воронцовым учения Маркса, научного содержания и социальной составляющей доктрины, а также характера деятельности русских марксистов, можно сказать, что в этих вопросах народнический экономист занимал акцентированно непримиримую позицию. В научном отношении он оставлял за Марксом только открытия в области политической экономии и не принимал обоснования пролетарского социализма, который отводил, на его взгляд, крестьянству роль подсобного строительного материала будущего общества. Исследовательская практика адептов марксизма в России Воронцовым отрицалась и оценивалась в качестве контрпродуктивной, а наиболее известные марксистские авторы однозначно причислялись к идеологам русского капитализма. Резкость характеристик и нелицеприятность суждений в значительной мере диктовались пониманием основных составляющих прогресса, целевой направленности эволюции общества, роли и места различных слоев населения в социальном процессе. Как и многие из народников, Воронцов был сторонником субъективной социологии, которая требовала четко выраженной морально-этической позиции, обязанной проявляться как в научных изысканиях, так и в общественной деятельности. Отступить от этих требований значило предать собственные жизненные принципы, на что Воронцова не мог согласиться.

⁵⁴ В.В. Наши направления... С. 61; Воронцов В.П. От семидесятых годов к девятисотым. С. 123.